

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2023.85.82.037

Правовое регулирование трансграничной несостоятельности в ЕС

Чувахин Петр Игоревич

Кандидат юридических наук,
преподаватель департамента международного и публичного права,
Финансовый университет при Правительстве РФ;
старший преподаватель кафедры международного права,
Российский государственный университет правосудия,
117418, Российская Федерация, Москва, ул. Новочеремушкинская, 69;
e-mail: chuvakhin.petr@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу правового регулирования трансграничной несостоятельности в Европейском Союзе. Растущая глобализация торговли, усиление внешнеэкономических связей, рост капитализации крупных ТНК предполагает, что банкротство может происходить в трансграничном контексте. Трансграничная несостоятельность может быть результатом краха компании, имеющей филиалы по всему миру, или кризисных явлений в самих государствах. Существуют и иные факторы, наличие которых, может говорить о возможности появления проблемы трансграничной несостоятельности. Это могут быть ситуации, когда компания-должник вступали в частно-правовые отношения с одной или несколькими сторонами из других стран, компания или физическое лицо имели активы в разных странах, или их обязательства должны были быть исполнены за рубежом и т.д. В связи с этим, явление трансграничной несостоятельности является значимым и заслуживает всестороннего внимания и изучения. Автор приходит к выводу, что идея единого производства по делу о трансграничной несостоятельности в рамках ЕС не была полностью отвергнута, поскольку существует заинтересованность в том, чтобы избежать открытия вторичного производства и, кроме того, доказано, что сосредоточение дела о несостоятельности в одной стране (государстве-члене), вполне осуществимо при условии, что ее суды обладают юрисдикцией в отношении всех участников такого производства.

Для цитирования в научных исследованиях

Чувахин П.И. Правовое регулирование трансграничной несостоятельности в ЕС // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 4А. С. 496-505. DOI: 10.34670/AR.2023.85.82.037

Ключевые слова

Трансграничное банкротство, ЕС, COMI, lex fori concursus, Евросоюз.

Введение

Правопорядки государств – членов Европейского союза (далее – ЕС) различаются между собой по многим вопросам правового регулирования несостоятельности. В большинстве из них сосуществуют процедуры ликвидации и оздоровления, при этом также с многочисленными различиями между ними. Определения банкротства в национальных законах часто различаются, однако есть некоторые общие элементы.

Старое классическое банкротство, пожалуй, является тем институтом, который имеет больше всего сходств во всех странах. Так, например, согласно определению, которое дается банкротству в финском Законе о банкротстве от 20.2.2004, «банкротство – это форма процедуры несостоятельности, охватывающая все обязательства должника, при которой активы должника используются для погашения требований в рамках банкротства. Для достижения цели банкротства имущество должника в начале банкротства переходит в ведение кредиторов. Управляющий имуществом, назначенный судом, осуществляет управление и ликвидацию активов должника, и другое управление имуществом».

Несостоятельность тесно связана с ликвидностью предприятия. В целом, можно отметить, что государства-члены ЕС придерживаются одного из трех законодательных подходов к пониманию банкротства: законы, которые связывают несостоятельность с прекращением платежей; законы, которые связывают несостоятельность с недееспособностью, невозможностью платежей; и законы, которые объединяют два предыдущих подхода.

Основная часть

Различия между национальными законодательствами в подходе к трансграничной несостоятельности очень велики. Как очень точно сказано, «при изучении норм международного частного права государств-членов о несостоятельности становится очевидным, что противоречивые взгляды укоренились еще более глубоко, чем в любых других видах коллизионных норм» [Ghio, 2017].

Однако, несмотря на это, с самого начала у государств-членов ЕС существовало желание создать европейский механизм, который установил бы общие правила юрисдикции и выбора права в гражданских и коммерческих делах, включая дела о несостоятельности.

В 1960 году был создан комитет для разработки проекта Конвенции о признании и исполнении судебных решений по гражданским и торговым делам. Было решено, что банкротство представляет особые трудности, поэтому в 1963 году был создан второй Комитет для разработки проекта Конвенции о признании и исполнении судебных решений по делам о банкротстве. Основой для обоих проектов стала статья 220 Римского Договора, учреждающего Европейское Сообщество 1957 года, согласно которой государства-члены Европейского экономического сообщества (далее – ЕЭС) обязались вести переговоры в интересах своих граждан об упрощении формальностей, регулирующих взаимное признание и исполнение решений судов и арбитражей.

Оба комитета также рассматривали правила о принятии юрисдикции судами государств-членов ЕЭС. Первый комитет добился больших успехов, создав Брюссельскую конвенцию 1968 года по вопросам юрисдикции и принудительного исполнения судебных решений в отношении гражданских и коммерческих споров. Комитет по банкротству подготовил предварительный проект конвенции также в 1968 году, за которым последовал пересмотренный проект в 1970

году, сопровождаемый подробным пояснительным отчетом [Noel, 1970].

Амбициозный замысел проекта Конвенции заключался в применении принципа универсальности процедур банкротства, создании единой юрисдикции, которая будет решать вопросы трансграничной несостоятельности. *Lex fori concursus* будет применяться к большинству процессуальных и материальных вопросов, с ограниченными исключениями. Самое главное, что судебные решения, вынесенные в ходе процедуры банкротства, признавались бы и приводились в исполнение в других государствах-членах [Omar, 2003].

Одна из основных проблем этого проекта Конвенции заключалась в том, что он был рассчитан на применение только при параллельном введении единообразного закона. Были и другие моменты, из-за которых государства-члены не решались его принять. Кроме того, Великобритания стала членом Европейских сообществ в 1973 году, и британские законодатели подчеркивали тот факт, что некоторые термины проекта Конвенции отражают взгляды, лежащие в основе гражданского права романо-германской правовой системы, и, следовательно, английскому праву будет очень трудно принять такую конвенцию и гармонизировать свое законодательство на ее основе.

Комитет продолжил свою работу, и результатом стал второй проект, переданный Совету в 1980 году и опубликованный в Официальном журнале в 1982 году. Единство и универсальность оставались главенствующими принципами. Были приняты единые правила о юрисдикции для открытия производства (в «административном центре» должника), а *lex fori concursus* оставался доминирующим применимым правом за ограниченными исключениями [Moustaira, 1992].

После того, как не удалось достичь консенсуса по второму проекту, работа Комитета была приостановлена в 1985 году.

В 1990 году Европейская конвенция относительно некоторых международных аспектов банкротства ETS N 136 (Стамбул, 5 июня 1990 г.), подготовленная под эгидой Совета Европы, была открыта для подписания государствами-членами этой организации. Она имела очень ограниченную сферу применения – только банкротство – и так и не была принята. Это был первый в истории текст, включавший понятие «центр основных интересов должника» (COMI). Статья 4 данной конвенции гласила: «Суды и другие органы Государства-участника, где должник имеет центр деловой активности, обладают компетенцией возбудить производство по делу о банкротстве. Центром деловой активности для юридических лиц, если не предусмотрено иное, считается место нахождения руководящих управленческих органов».

В 1991 году была реформирована Рабочая группа Европейских сообществ по вопросам несостоятельности. После создания предварительного проекта в 1991 году, пояснительного меморандума также в 1991 году и окончательного проекта для обсуждения в 1994 году, появился вариант, который должен был утвердить Совет министров.

В 1995 году был подготовлен «компромиссный текст», который был представлен на подпись государствам-членам. За ним последовал пояснительный отчет («Отчет Виргоса/Шмидта») [Virgós, 1996].

В нем устанавливались юрисдикционные правила открытия производства по делу о несостоятельности в рамках Европейского сообщества: основное производство в государстве-члене, в котором находится центр основных интересов должника (COMI), и вторичные производства в государствах-членах, в которых у должника есть предприятия.

Он предусматривал автоматическое признание открытия основного и вторичного производства во всех других государствах-членах и исполнение решений, принятых в рамках таких производств.

Он также установил единые коллизионные нормы, регулирующие производство по делу о несостоятельности.

В ноябре 1995 года более простая и менее жесткая, чем ее предшественницы, Европейская конвенция, которая основывалась на модифицированном универсализме [там же], была окончательно доработана и должна была вступить в силу после того, как ее подписали бы государства-члены: для государств-членов был открыт период для присоединения путем подписания с 23 ноября 1995 года по 23 мая 1996 года [Omar, 2003].

Однако Великобритания не подписала ее в установленный срок. Именно поэтому Европейская конвенция так и не вступила в силу.

Германия и Финляндия вновь представили не вступившую в силу Европейскую конвенцию 1995 года в качестве Регламента 1346. Эта инициатива превратила неудавшуюся Европейскую конвенцию в нормативный акт, обязательный для всех государств-членов Европейского союза, за исключением Дании.

Вероятно, Европа была самым передовым, самым успешным регионом в разработке правовой базы регулирования трансграничной несостоятельности. И Регламент 1346, вступивший в силу 31 мая 2002 года, и Регламент Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2015/848 от 20 мая 2015 г. О процедурах банкротства (далее – Регламент ЕС 848/2015) (применяется с 26 июня 2017 года – за некоторыми исключениями) «сумели замкнуть круг»: «они следуют модифицированному универсалистскому подходу» [Mevogach, 2018] или, согласно другому мнению, «они предусматривают территориалистическую схему с универсалистскими началами» [Moustaira, 1992].

Они представляют собой всеобъемлющую правовую основу, охватывающую все вопросы международного частного права, связанные с несостоятельностью. Тем не менее, не все статьи Регламента 1346 содержат коллизионные нормы. Некоторые из них в действительности представляют собой настоящие нормы единого материального права, с помощью которых, как утверждает, Регламент попытался создать автономную систему, которая включается в национальные правопорядки и занимает место предыдущих норм. Таким примером является статья 5 Регламента 1346 (статья 8 Регламента ЕС 848/2015).

Это правило направлено на сохранение вещных прав, возникших на объекты недвижимости, расположенные в государстве-члене, в качестве гарантии будущих платежей должника при открытии производства по делу о несостоятельности в другом государстве-члене. Таким образом, эта норма, как отмечается, имеет двойной эффект: с одной стороны, она обязывает производство по делу о несостоятельности признать действительным установление вещного права на актив, расположенный в другом государстве-члене, в соответствии с законодательством, применимым к этому установлению вещного права; с другой стороны, она позволяет кредитору получить возмещение в рамках процедуры принудительного исполнения в отношении этого актива без согласования с другими кредиторами.

Одним из наиболее важных и проблематичных вопросов при применении Регламента 1346 было использование понятие центра основных интересов должника (COMI) как основания для открытия основного производства по делу о несостоятельности в соответствии со статьей 3(1).

Использование критерия COMI в международных документах было названо «многосторонней» нормой выбора права, поскольку в ней признается, что в производстве по делу о несостоятельности могут быть заинтересованы несколько стран, поэтому в ней делается попытка найти ту, которая будет наиболее связана с трансграничной несостоятельностью [Pottow, 2005].

Следует подчеркнуть, что понятие СОМІ в Регламенте 1346 было создано как уникальное понятие европейского права [Tirado, 2015]. В параграфе 13 Преамбулы Регламента дается своего рода определение: «Центр основных интересов должен совпадать с местом, где должник осуществляет управление своим доходом на постоянной основе и которое, следовательно, может быть определено как таковое третьими лицами».

Параграф 13 Преамбулы повторяет без изменений объяснение, которое было дано понятию СОМІ в отчете Виргоса/Шмидта, где было сказано следующее: «Понятие «центр основных интересов должника» должно толковаться как место, где должник осуществляет управление своими активами на регулярной основе и, следовательно, может быть установлено третьими лицами». Обоснование этого правила объяснить несложно. Несостоятельность – это риск, который можно предвидеть. Поэтому важно, чтобы международная юрисдикция (которая, как мы видим, влечет за собой применение законодательства о несостоятельности данного Договаривающегося государства) основывалась на месте, известном потенциальным кредиторам должника. Это позволяет рассчитать правовые риски, которые придется принять на себя в случае несостоятельности [Virgós, 1996].

Как отмечается, государства-члены ЕС могут дать определение СОМІ в своем законодательстве, но это определение будет иметь только внутреннее действие; что касается применения Регламента 1346, судьи могут свободно толковать понятие СОМІ отличное от того, какое дано в их национальном законодательстве.

Регламент 1346 содержит презумпцию, согласно которой СОМІ компании находится по месту ее регистрации. Эта презумпция является опровержимой; может быть доказано, что СОМІ компании – это ее реальное местонахождение, страна, где компания осуществляет управление своими основными активами на регулярной основе, что может быть установлено третьими лицами.

Однако прецедентное право Суда Европейского Союза (далее – Суд ЕС/СЈЕU) в отношении компаний указывает на теорию инкорпорации. Учитывая тот факт, что правила выбора права в законодательстве о компаниях не гармонизированы, часто существует опасность несовпадения СОМІ и места регистрации компании.

Возможное несовпадение *lex societatis* и *lex fori concursus* может привести к чрезмерной или недостаточной защите кредиторов [Carballo Piñeiro, 2014]. Именно по этой причине некоторые ученые выступают за замену СОМІ страной, в которой компания зарегистрирована [Eidenmüller, 2013]. С другой стороны, другие ученые отмечают, что использование в качестве юрисдикционной основы места регистрации также будет способствовать поиску «удобного» суда по делам о несостоятельности, поскольку это позволит акционерам и директорам выбирать тот правопорядок для регистрации компании, который будет более благоприятен для их интересов, или изменять место своей регистрации на другое государство, если они посчитают его правопорядок более благоприятным для них [Carballo Piñeiro, 2014].

Свобода миграции рассматривается Судом ЕС как один из основополагающих принципов ЕС. С другой стороны, Суд ЕС неоднократно признавал, что наука о несостоятельности была «построена на плечах доктрины корпоративного права».

Взаимосвязь свободы миграции с поиском наиболее «удобного» суда по делам о трансграничной несостоятельности в ЕС была прокомментирована несколькими авторами [Carballo Piñeiro, 2014]. Кажется, что многие открыты к идее поиска «удобных» судов, если в этом нет мошенничества или злоупотребления правом [Mevorach, 2018].

В деле Eurofood, СЈЕU подчеркнул, что факты, которые приводят к определению СОМІ

должника, должны быть «легко устанавливаемыми» для его кредиторов. Он повторил и уточнил это в деле *Interedil*.

Некоторые ученые утверждают, что в случае миграции компании наиболее важным является то, дали ли кредиторы согласие на такое перемещение, принесло ли это перемещение им пользу, максимизировав чистые активы должника, представляя таким образом перемещение не как злоупотребление, а как социально полезный «свободный выбор» [Eidenmüller, 2013].

Вторичное производство может быть открыто только там, где у должника есть предприятие, то есть место осуществления деятельности, где должник осуществляет «экономическую деятельность с использованием трудового и материального ресурса на постоянной основе» (Статья 2(h)).

Ликвидатор в рамках вторичного производства наделяется исключительными полномочиями в отношении активов, которые находятся в данном государстве-члене. Это не означает, что основное и вторичное производство полностью разделены. Напротив, они являются взаимозависимыми производствами, и ликвидатор в рамках вторичного производства находится под доминирующим влиянием основного ликвидатора.

Реформа Европейского регламента о процедурах банкротства была признана необходимой, с одной стороны, для кодификации прецедентного права Суда Европейского союза, а с другой – для включения в Регламент 1346 изменений, произошедших в национальных законодательствах о несостоятельности.

Таким образом, был принят Регламент (ЕС) 2015/848, который применяется к производствам по делам о несостоятельности, открытым после 26 июня 2017 года.

Акцент был сделан на реструктуризацию бизнеса, а не на ликвидацию. Новый подход к несостоятельности и банкротству бизнеса направлен на восстановление экономики и, таким образом, благоприятствует предоставлению второго шанса предпринимателям вместо того, чтобы способствовать их ликвидации [Carballo Piñeiro, 2014].

Однако, не все довольны поправками к предыдущему Регламенту 1346; некоторые ученые считают, что предпринятые шаги были нерешительными и что действия Комиссии на самом деле не совпадали с потребностями бизнеса в трудных ситуациях. Большинство ученых, однако, считают, что Регламент ЕС 2015/848 значительно улучшил функционирование процедур трансграничной несостоятельности [Mevorach, 2018].

Материальная сфера применения Регламента ЕС 2015/848 описана в его статье 1(1). Согласно этой статье, «Регламент применяется к публичным, коллективным процедурам, включая временное производство, которые основаны на законодательстве, регулирующем вопросы банкротства, и в процессе которых в целях сохранения, урегулирования долга, реорганизации или ликвидации: (а) должник полностью или частично лишен своих активов, и назначен арбитражный управляющий; (b) активы и дела должника находятся под контролем или наблюдением суда; или с) судом или на основании действия норм законодательства была предоставлена временная приостановка исполнительного производства в целях проведения переговоров между должником и его кредиторами при условии, что процедура, в ходе которой была предоставлена временная приостановка исполнительного производства, предусматривает все необходимые меры, позволяющие защитить главный орган кредиторов, которые при недостижении соглашения между должником и кредиторами будут являться предварительным перед проведением каждой из процедур, указанных в пункте (а) или (b)».

Производство по делу о несостоятельности, чтобы попасть в сферу применения Регламента, должно соответствовать требованиям статьи 1(1) и быть включенным в Приложение А.

Тот факт, что Регламент ЕС 2015/848 применяется не только к производству по делу о несостоятельности в традиционном смысле, но и распространяется на превентивное, смешанное производство или производство, предшествующее несостоятельности, считается одним из его главных новшеств. Многие государства-члены в последние годы приняли законы, направленные на спасение проблемного должника, который, возможно, все еще экономически жизнеспособен.

Кроме того, Регламент ЕС 2015/848 применяется только к публичным процедурам несостоятельности или предбанкротного состояния, то есть к процедурам, которые подлежат огласке. Таким образом, кредиторы получают информацию о производстве и могут воспользоваться своими процессуальными правами: оспорить юрисдикцию суда, открывшего производство, или предъявить свои требования.

Публичности способствует обязанность государств создать и вести на своей территории один или несколько реестров по делам о банкротстве (статьи 24 и последующие).

Регламент содержит семь глав. Первая глава включает основы регулирования (ст. 1-2), а также международную юрисдикцию (ст. 3-6) и применимое право (ст. 7-18). Вторая глава посвящена признанию иностранных производств по делам о несостоятельности и их последствиям (ст. 19-33). В третьей главе подробно рассматриваются вторичные производства по делам о несостоятельности (ст. 34-52). Четвертая глава содержит правила о правах кредиторов (ст. 53-55). Пятая глава содержит правила о несостоятельности групп компаний (ст. 56-77). Шестая глава содержит правила о защите данных в ходе производства по делу о несостоятельности (ст. 78-83). Наконец, в последней, седьмой главе рассматриваются административные и переходные вопросы (ст. 84-92).

Что касается СОМІ, то было решено скорее усовершенствовать его, но не трансформировать кардинально. Следует отметить, что некоторые авторы высказывались в поддержку его исключения [Eidenmüller, 2013], поскольку считали, что он создает много проблем, но не все были согласны, и никто не решился исключить само понятие из текста Регламента ЕС 2015/848.

Существование СОМІ было охарактеризовано как «расплывчатая и неопределенная компромиссная формула» [Gruber, 2017], создающая правовую неопределенность. Утверждается, что правовая определенность будет восстановлена судами, особенно Судом ЕС. Многие национальные суды инициировали процедуру вынесения предварительного решения в Суде ЕС, прося его «разрешить загадку» СОМІ. Тем не менее, даже решения Суда ЕС не полностью прояснили картину.

Существенными изменениями в регулировании СОМІ можно считать следующие:

- Суды государств-членов должны по собственной инициативе рассматривать вопрос о том, находится ли СОМІ в их юрисдикции.
- Определение СОМІ было прямо введено в статью 3(1) Регламента: «Под центром основных интересов понимается место, в котором должник на регулярной основе осуществляет управление своими интересами и которое подтверждено третьими лицами».
- Регламент включил правила толкования СОМІ, которые были взяты из прецедентного европейского права и права государств-членов [Tirado, 2015].

Здесь следует отметить, что проблема выбора удобного суда все еще остается, и остается неясным, хочет ли Регламент ЕС 2015/848 решить ее или нет. Например, в разделе 29 говорится, что «Регламент должен содержать ряд гарантий, направленных на предотвращение мошенничества или злоупотребления правом при выборе суда». Означает ли это, что Регламент

ЕС 2015/848 допускает существование «позитивного поиска «удобного» суда»?!

В Регламенте также используется подход модифицированного универсализма, однако «абсолютный универсализм», то есть единое производство по делу о несостоятельности с универсальными последствиями (признаваемыми повсеместно), теоретически был бы идеальной, наиболее эффективной моделью. Однако она оказалась нереалистичной, поскольку многие страны хотят применять свое законодательство о несостоятельности для защиты местных кредиторов.

Таким образом, вторичное производство по делу о несостоятельности разрешено и регулируется статьями главы III Регламента ЕС 2015/848.

Следует отметить, что положения Регламента ЕС 2015/848 укрепляют координацию между основным и вторичным производством. Кроме того, согласно совершенно новой статье 38, «суд, рассматривающий заявление об открытии вторичной процедуры банкротства, обязан немедленно уведомить арбитражного управляющего или должника во владении, участвующих в основной процедуре банкротства, и дать им возможность выступить по поводу данного заявления».

Регламент в целом расширил обязанности судов и практикующих специалистов по делам о несостоятельности по обмену информацией и сотрудничеству. Регламент 1346 содержал только одну статью (ст. 31), в то время как Регламент ЕС 2015/848 содержит несколько таких статей: Статья 41 «Сотрудничество и обмен информацией между арбитражными управляющими», Статья 42 «Сотрудничество и обмен информацией между судами», Статья 43 «Сотрудничество и обмен информацией между арбитражными управляющими и судами» и Статья 44 «Расходы, связанные с осуществлением сотрудничества и обмена информацией».

Очевидно, что влияние традиции системы общего права привело к такому выбору. Суды общего права гораздо больше привыкли к идее сотрудничества, и их системы допускают это, в то время как суды романо-германской правовой системы сдерживаются культурными и юридическими препятствиями, чтобы делать это в делах о трансграничной несостоятельности. Вопрос о том, почему это влияние происходит только в одном направлении, может быть никогда не решен. В то же время кажется сомнительным, что традиционный элемент общего права царит в этом Регламенте (как и другие традиционные элементы общего права в других европейских Регламентах), когда одна из двух стран общего права вышла из Европейского союза.

Заключение

В любом случае, похоже, что идея единого производства по делу о трансграничной несостоятельности в рамках ЕС не была полностью отвергнута, поскольку существует заинтересованность в том, чтобы избежать открытия вторичного производства и, кроме того, доказано, что сосредоточение дела о несостоятельности в одной стране (государстве-члене), вполне осуществимо при условии, что ее суды обладают юрисдикцией в отношении всех участников такого производства.

Библиография

1. Договор, учреждающий Европейское Сообщество (Рим, 25 марта 1957 г.) (консолидированный текст с учетом Ницских изменений) (с изменениями от 16 апреля 2003 г.).
2. Европейская конвенция относительно некоторых международных аспектах банкротства ETS N 136 (Стамбул, 5 июня 1990 г.).

3. Регламент Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2015/848 от 20 мая 2015 г. О процедурах банкротства.
4. Carballo Piñeiro L. Towards the reform of the European Insolvency Regulation: codification rather than modification // *Nederland International Privaatrecht*. 2014. P. 207-215.
5. Eidenmüller H. A new framework for business restructuring in Europe: the EU commission's proposal for a reform of the European Insolvency Regulation and beyond // *ECGI Working Paper Series in Law*. 2013. 199. P. 1-22.
6. Ghio E. Case study on cross-border insolvency and rescue law: an analysis of the future of European integration // *Irish J Eur Law*. 2017. 20. P. 63-79.
7. Gruber U.P. The international jurisdiction for main proceedings: practical difficulties in the application of Art. 3 InsRRecast // *European and national perspectives on the application of the European Insolvency Regulation*. Roma, 2017. P. 39-63.
8. Mevorach I. *The future of cross-border insolvency. Overcoming biases and closing gaps*. Oxford University Press, 2018. 320 p.
9. Moustaira E.N. *The equality of creditors in international bankruptcy law*. 1992.
10. Noel J., Lemontey J. Report on the Convention Relating to Bankruptcies, Compositions and Analogous Procedures. Commission of the European Communities Working Document 16.775/XIV/70-F, 1970.
11. Omar P.J. Genesis of the European initiative in insolvency law // *Int Insolv Rev*. 2003. 12. P. 147-170.
12. Pottow J. Procedural incrementalism: a model for international bankruptcy // *Va J Int Law*. 2005. 45. P. 935-1015.
13. Tirado I. An evolution of COMI in the European Insolvency Regulation: from 'Insolvenzimperialismus' to the recast // *Annu Rev Insolv Law*. 2015. P. 691-722.
14. Virgós M., Schmidt E. Report on the Convention of Insolvency Proceedings. EC Council Document 6500/96, Brussels, 3 May 1996.

Legal regulation of cross-border insolvency in the EU

Petr I. Chuvakhin

PhD in Law,
Lecturer of the Department of International and Public Law,
Financial University under the Government of the Russian Federation;
Russian Academy of Justice,
117418, 69, Novocheremushkinskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: chuvakhin.petr@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the analysis of the legal regulation of cross-border insolvency in the European Union. The growing globalization of trade, the strengthening of foreign economic relations, the growth of the capitalization of large TNCs suggests that bankruptcy can occur in a cross-border context. Cross-border insolvency may be the result of the collapse of a company with branches around the world, or crisis phenomena in the states themselves. There are other factors, the presence of which may indicate the possibility of the emergence of the problem of cross-border insolvency. These may be situations where the debtor company entered into private law relations with one or more parties from other countries, the company or individual had assets in different countries, or their obligations had to be fulfilled abroad, etc. In this regard, the phenomenon of cross-border insolvency is significant and deserves full attention and study. The author concludes that the idea of a single cross-border insolvency proceeding within the EU has not been completely rejected, since there is an interest in avoiding the opening of secondary proceedings and, in addition, it has been proven that the concentration of an insolvency case in each member country is feasible, provided that its courts have jurisdiction over all participants in such proceedings.

Petr I. Chuvakhin

For citation

Chuvakhin P.I. (2023) Pravovoe regulirovanie transgranichnoi nesostoyatel'nosti v ES [Legal regulation of cross-border insolvency in the EU]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (4A), pp. 496-505. DOI: 10.34670/AR.2023.85.82.037

Keywords

Cross-border bankruptcy, EU, COMI, lex fori concursus, European Union.

References

1. Carballo Piñeiro L. (2014) Towards the reform of the European Insolvency Regulation: codification rather than modification. In: *Nederland International Privaatrecht*.
2. *Dogovor, uchrezhdayushchii Evropeiskoe Soobshchestvo (Rim, 25 marta 1957 g.) (konsolidirovannyi tekst s uchetom Nitstskikh izmenenii) (s izmeneniyami ot 16 aprelya 2003 g.)* [Treaty establishing the European Community (Rome, 25 March 1957) (consolidated text subject to the Nice Amendments) (as amended on 16 April 2003)].
3. Eidenmüller H. (2013) A new framework for business restructuring in Europe: the EU commission's proposal for a reform of the European Insolvency Regulation and beyond. *ECGI Working Paper Series in Law*, 199, pp. 1-22.
4. *Evropeiskaya konventsiya otnositel'no nekotorykh mezhdunarodnykh aspektakh bankrotstva ETS N 136 (Stambul, 5 iyunya 1990 g.)* [European Convention on Certain International Aspects of Bankruptcy ETS N 136 (Istanbul, June 5, 1990)].
5. Ghio E. (2017) Case study on cross-border insolvency and rescue law: an analysis of the future of European integration. *Irish J Eur Law*, 20, pp. 63-79.
6. Gruber U.P. (2017) The international jurisdiction for main proceedings: practical difficulties in the application of Art. 3 InsRRecast. In: *European and national perspectives on the application of the European Insolvency Regulation*. Roma.
7. Mevorach I. (2018) *The future of cross-border insolvency. Overcoming biases and closing gaps*. Oxford University Press.
8. Moustaira E.N. (1992) *The equality of creditors in international bankruptcy law*.
9. Noel J., Lemontey J. *Report on the Convention Relating to Bankruptcies, Compositions and Analogous Procedures. Commission of the European Communities Working Document 16.775/XIV/70-F, 1970*.
10. Omar P.J. (2003) Genesis of the European initiative in insolvency law. *Int Insolv Rev.*, 12, pp. 147-170.
11. Pottow J. (2005) Procedural incrementalism: a model for international bankruptcy. *Va J Int Law*, 45, pp. 935-1015.
12. *Reglament Evropeiskogo Parlamenta i Soveta Evropeiskogo Soyuza 2015/848 ot 20 maya 2015 g. O protsedurakh bankrotstva* [Regulation of the European Parliament and of the Council of the European Union 2015/848 of 20 May 2015 on bankruptcy procedures].
13. Tirado I. (2015) An evolution of COMI in the European Insolvency Regulation: from 'Insolvenzimperialismus' to the recast. In: *Annu Rev Insolv Law*.
14. Virgós M., Schmidt E. *Report on the Convention of Insolvency Proceedings. EC Council Document 6500/96, Brussels, 3 May 1996*.